

Шесть лет назад Виктор Узун приехал в Серов и возглавил драматический театр (поработав до этого актером и режиссером в разных местах). Серовский театр — это теперь его жизнь и детище, а сам Узун — популярнейший человек в городе.

Мы познакомились в Екатеринбурге, на фестивале драматургии Коляды, куда Узун привез свой спектакль «Канотье». Он оказался ярким и неожиданным, и о серовском режиссере заговорили. Захотелось увидеть его театр.

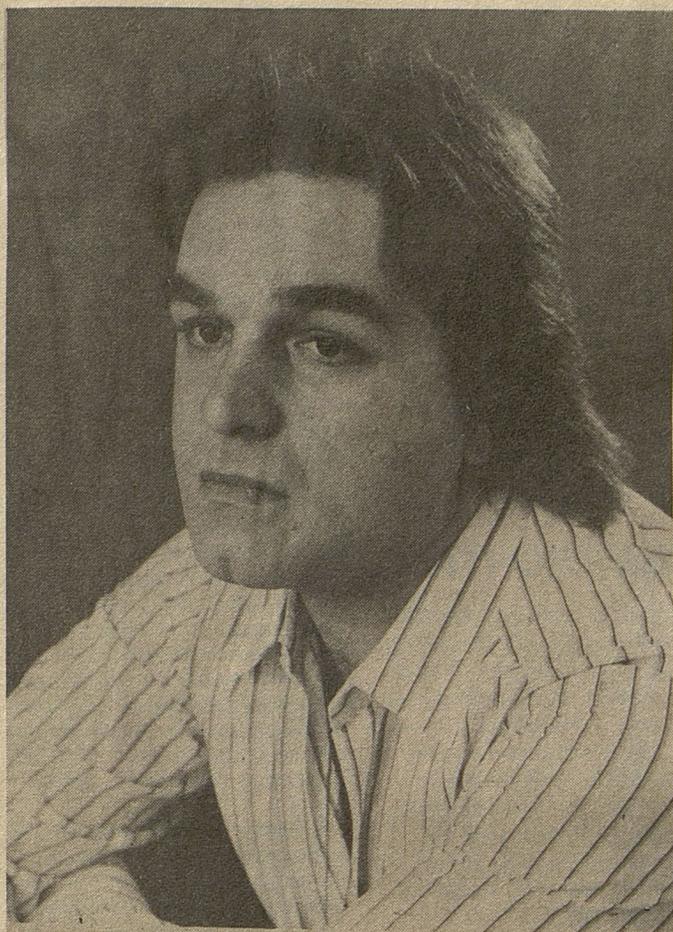
До Серова самолеты не летают, надо ехать поездом два дня и две ночи. Едем. Местные проводники, узнав, что мы критики и направляемся в драматический театр, весело восклицают: «Это вы к нашему Узуну?».

Известный человек.

...Город Серов, принадлежащий Свердловской области, — это северные ворота Урала (по карте видно: чуть выше уже начинается тундра). Одна из металлургических уральских столиц. Бывший когда-то рабочий поселок Надеждинск, теперь же город со 100-летней историей и 105-тысячным населением, носящий имя героя

щает на себя внимание: отменные декорации, непредсказуемые сценические решения, изысканные костюмы. Ничего ни в чем налета провинциальной нищеты и заброшенности.

Сам главный режиссер тяготеет к энергичным непредвиденным концепциям и камерным формам (вероятно, чувствуя потребности маленького города с его ограниченным зрительским потенциалом. Недаром его мечта — небольшой театр с уютной сценой). Его «Канотье» (которое, надеюсь, многие еще увидят в России) идет среди зрителей, рассаженных на движущемся сценическом кругу. Адресо-

ЧЕЛОВЕК НА ГЛАВНЫЕ РОЛИ

Кувальдра - 1995 - 17 июня - с. 9.

Советского Союза, летчика-испытателя А. Серова (первого мужа известной актрисы Валентины Серовой, «звезды» нашего кинематографа 30-х годов).

В центре города стоит торжественное здание в стиле конструктивного монументализма 30-х годов, имеющее сверху, в плане, форму самолета. Это гордость Серова, Дворец культуры металлургов, где как раз и квартирует местный Театр имени Чехова. Своего дома у него нет и в ближайшие времена не предвидится. У Серова, приобретшего репутацию местности стихийных бедствий, пережившего недавно два наводнения взбунтовавшейся реки Каквы и смерч, нет средств на строительство.

Но и во Дворец культуры ходят охотно, хотя спектаклям аккомпанирует шум дискотеки, расположившейся в соседнем зале. К этому давно привыкли, да и что тут поделаешь — у дворца своя текущая и неотменимая жизнь.

И все же в этом далеком североуральском театре совсем не чувствуется заштанного духа. Репертуар большой и серьезный и без всякой там «кассовой» шлягерности: Ануи, Чехов, Брукнер, Гельдероде. Художественно — постановочный уровень сразу же обра-

ванный трем десяткам избранных (по сути очень узкому кругу), спектакль обладает сильнейшим эмоциональным, энергетическим полем. Главную роль играет сам Узун, и я пока не видела лучшего исполнителя этой роли в этой пьесе.

На всем, что ставит Виктор Узун, лежит живейший отпечаток его личности. Он неутомим в творчестве, быстр и хваток в делах, обычной ходьбе предпочитает бег и подпрыгивания, характер имеет цельный, наступательный, устремленный в перспективу.

Вот и чеховский «Дядя Ваня», поставленный Узуну («в фойе», оказался непривычно центростремительным. При обычном чеховском многолюдье в этой пьесе всегда выдвигались вперед самые разные фигуры, но сюжета о самом дяде Ване, как правило, не ставили, не обнаруживая в нем героя. В серовском же спектакле мы впервые увидели вместо традиционно анемичной фигуры яркого человека, полного огня, полыхающих сил и любви, которой никто вокруг был не в состоянии оценить. (То был, как вы догадываетесь, сам Узун).

Я видела актерские работы Узуну в шести спектаклях.

Вариант, безусловно, достаточно редкий, если иметь в

виду, что Узун все-таки главный режиссер со всем вытекающим отсюда объемом дел, забот и обязанностей. Трудно представить без него «Дядю Ваню» и «Канотье», «Слона» А. Копкова, «Медею» Ануя, володинскую «Ящерицу», не говоря уж о брукнеровском «Наполеоне I». Здесь тот случай, когда от характера исполнения полностью зависит режиссерская трактовка спектакля. Почти всюду узунские роли берут на себя основную тяжесть сюжета.

...По-моему, серовский театр находится сейчас в худшей своей поре. Симпатичная труппа, в которой имеются яркие лидеры и среди старшего поколения, и среди молодежи. На таких актерах, как К. Рихтер, Е. Степанова, С. Королева, М. Незлученко, А. Ульянов, П. Ондрин, С. Винниченко (позвольте мне это перечисление, которое, может быть, вам ничего и не скажет), можно строить любой репертуар, не опасаясь за дальнейшую судьбу театра.

Театр любим в городе. Его актеров знают по именам и помнят все их роли. С самим Узуну дружит весь город. На бенефисе в честь его сорокалетия переполненный зрительный зал гудел, излучая неподдельное обожание. Отыграв своего Наполеона, он стоял на

сцене, так и не сняв костюма и грима, вновь превратившись в порывистого и трогательного Виктора Узуну.

Общаясь с ним, всегда забываешь о том, что он «главный»; никакого главрежского степенства и важности, наоборот, во всех своих манерах и повадках предпочитает оставаться мальчишкой. Хотя именно благодаря этой «мальчишеской», заводной и кипучей силе существует и держится его театр. И ведь сколько забот: всех своих актеров, и пожилых, и молодых, надо обеспечить ролями, не упустив из виду ни одну актерскую судьбу, раздобыть новые пьесы, позаботиться о студии в Пермском институте искусств, где учится его театральная молодежь. Да еще непрерывные выезды в окрестные районы: в маленьком Серове спектакль способен выдержать лишь 10—15 представлений. И никогда никакого нытья или ворчливых сетований; мысли заняты обычно лишь тем, что имеет конструктивный смысл и перспективу движения. В чем он черпает свои силы, этот неистощимый Узун, — для меня осталось загадкой. Пусть она будет неразгаданной.

Ольга ИГНАТЮК.

Фото В. Сиднева.